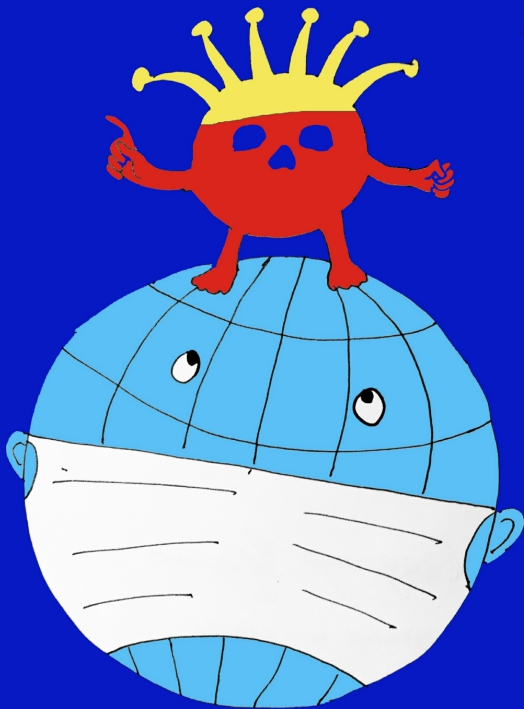

16+

Сергей Прокопьев

**КОГДА НА ПЛАНЕТЕ
КОРОНАВИРУСНЯ**

Сергей Николаевич Прокопьев

Когда на планете коронавирусня

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=56532239

SelfPub; 2020

Аннотация

В книге «Когда на планете коронавирусня» собраны повести Сергея Прокопьева, которые пусть и не сосредоточены полностью на времени, проходящим под знаком коронавируса, но так или иначе касаются его. В какой-то момент их герои, немало пожив на белом свете без пандемий, вдруг оказываются в эпохе, пугающей неясностями, недосказанностью, непредсказуемостью. Земной шар судорожно съёживается перед простейшей формой жизни – микрочастицей. Суетятся журналисты и блогеры – столько жареного, суетятся политики, им война – мать родна, надо набирать баллы в вечной гонке наверх, суетятся те, кто стремится наварить на ситуации деньги, а человек, от которого мало что зависит, выбит из привычной колеи, запуган телевидением, чиновниками, медиками. Остановлены предприятия, закрыты кинотеатры, к ним приравнены церкви (вирус выше Бога), запрещено посещать кладбища в родительский день. Что это? Кто-то грустно сказал: не знал, что на третьей мировой войне меня заставят сидеть дома.

Содержание

Когда на планете коронавирусня	4
Первое лирическое отступление	4
Котишка Тишка	8
Первое коронавирусное отступление	20
Каша из топора	23
Второе коронавирусное отступление	33
В Алма-Ату за пивом	35
Третье коронавирусное отступление	51
Теорема Ферма и камбала	52
Второе лирическое отступление	58
Иваныч	61
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Когда на планете коронавируса

Первое лирическое отступление

Мои читатели знают повесть «От Камбоджи до Камчатки оставляем отпечатки». Герой её – Саша Ройтер. В этой повести речь пойдёт об институтских годах его родного старшего брата Анатолия. Я бы мог изменить фамилию, так как нижеследующее повествование никак не касается младшего брата. Но, подумав, решил не делать этого, а идти за правдой жизни, вдруг на каком-нибудь писательском витке вернуться к этим двум замечательным братьям.

Институтская группа Толи Ройтера отличалась интеллектом и сплочённостью. Выпустились они из Новосибирского электротехнического института связи (НЭИС) в 1973 году, и каждые пять лет собирались на встречи. Как и положено, съехались, слетелись в Новосибирске в 2018 году, отметили сорокапятилетие выпуска, расставаясь, договорились встретиться на полувековом юбилее – 2023-м. Но в январе 2020 года москвич Витя Айвазовский выступил с идеей собраться не в круглую дату, а раньше – в 2020-м. У него, Вити, как раз семидесятилетие. И он никого, кроме институтских друзей, не хочет видеть на нём. Ушли в прошлое все производственные обязанности и связанные с ними обязательства,

Витя вольная птица, как хочет, так и празднует свой юбилей. Посему как бы хорошо в середине мая собраться, и по случаю выпуска, и по случаю его, Витиною, юбилея. Отметить встречу. И по-семейному отпраздновать 70-летие.

«Друзи, – писал Витя, – помните, как праздновали моё двадцатилетие в общежитии. Вермутом и портвейном! Жаль, семидесятилетие не можем отметить в 512-й комнате, зато в родном Новосибирске можем!»

Мгновенно откликнулся на предложение Серёга Фурманов. Ему тоже семьдесят в мае. Разница в один день с Айвазовским. Почти у всех 2020-й был юбилейным. Вся группа «классиков» (почему «классиков», скажем ниже) одного призыва, семнадцатилетними пришли в институт. Тот же Толя Ройтер. Ему 15 июня 2020-го исполнялось семьдесят.

Это кажется, что семьдесят лет – ого-го-го-го сколько. В двадцать лет, думается, столько не живут, в тридцать – это ведь немислимо много, в пятьдесят – много. А если тебе семьдесят наступает на пятки, понимаешь – наконец-то наступила пора настоящей жизни. Не надо вскакивать утром по будильнику с квадратными глазами, не надо бежать сломя голову на службу, суется, что-то кому-то доказывать, под кого-то подстраиваться, слушать с умным видом всякую чушь. Можно выйти босым на крылечко, сесть на ступеньку, подставить лицо солнечным лучам и сказать: как хорошо на белом свете!

Толя Ройтер в шестьдесят пять лет окончательно ушёл на

пенсию и начал активно кататься на горных лыжах. Президент Путин после шестидесяти завязал вставать на горные лыжи, Толя наоборот – вошёл во вкус. Так вошёл, что лыжи не успевают пылью в кладовке покрыться – с ноября по апрель в деле. Он в Сочи съездит, по олимпийским трассам поносится, и в Красноярск, с саянских круч полетает, и в Альпах отметится Итальянских и Швейцарских (что мы – плохо живём или мало кому должны!), в Горной Шории в Шерегеше – это обязательно. В Шерегеш в иную зиму успевает три раза съездить. В Новый год, потом с братом Шурой и компанией омичей (именующей себя «шерегешнутые») в бархатный сезон – в марте, а в апреле – на закрытие сезона. Толя ещё и фотограф, а в апреле благодать для его объектива – неистовое солнце, ослепительно белый снег и флэш-моб – катание в купальниках. Представляете, какое раздолье для фотографа – сотни девушек на лыжах в бикини. Толя и летом не грустит в ожидании снега и мороза, с друзьями такими же возрастными туристами сплавляется по горным рекам на плотках. Пусть не сверхсложные маршруты покоряют, это осталось в амбициозной юности, но тоже поработать надо – рюкзак килограммов в тридцать до речки дотащить, да и на речке прислуги нет, всё самому приходится делать.

Вот и думай: семьдесят лет много или нет?

Не сидит Толя на завалинке.

Не все из их группы дожили до этого возраста. Не все. Поэтому Витин призыв, мгновенно поддержанный Серёгой,

был воспринят с энтузиазмом. Толя следом за Серёгой написал в ватсапе:

– Надо собраться!

– У меня тоже юбилей в мае, – написал Аркаша Чехов. – Мой тоже отметим.

– Мой пусть в июне, – подал реплику Толя, – но кто празднику рад – накануне пьян!

Серёга создал в ватсапе группу под названием «Май-2020-НЭИС», включил туда всех. Началась переписка. Полетели в группу студенческие фотографии из личных архивов.

– Слушай, Толя, – написал Серёга Фурманов, – интересно, а тётка Оля жива?

– Ты ещё спроси про кота Тишку?

– Кот явно окочурился.

– Нам в 1967-м было по семнадцать, а ей под шестьдесят. Ей сто с длинным хвостиком сейчас, если жива...

– Обидели тётку Олю тогда.

– Не без того...

Котишка Тишка

В школьные годы у Толи Ройтера было три закадычных друга. Учились в одном классе, вместе занимались спортом, мечтали о будущем. Двое бредили небом, нацелились после десятого класса в военные лётчики, третий мечтал строить новые города – надумал идти в архитекторы. Толе было всё равно. Хотя нет – тоже был продуктом своей эпохи. Месяц какой-то отучился в первом классе – в космос запустили первый спутник. Все вокруг заговорили о межконтинентальных ракетах и спутниках. Дальше больше, во втором классе – первый полет космического аппарата к луне, в четвёртом в апреле бегали по школе с криками: «Гагарин в космосе!» А потом в космос полетели Герман Титов, Андриан Николаев, Павел Попович, Валерий Быковский, Валентина Терешкова, Владимир Комаров, Павел Беляев, Алексей Леонов. Всех космонавтов мальчишки знали в лицо по портретам, которые печатали газеты и журналы, знали даты их полётов на космических кораблях в околоземном пространстве. Поэтому, когда друг Валера собрался в Новосибирск учиться на архитектора, Толя решил составить ему компанию. В справочнике для поступающих в вузы выбрал Новосибирский электротехнический институт, факультет летательных аппаратов. Вот она дорога в небесные дали, космические выси!

Вступительные экзамены проходили в августе. В конце

июля друзья собрались в дорогу. Было и радостно, и чуток тревожно, что там впереди. Доехали на автобусе до Омска, дальше ночь на поезде и вот он Новосибирск. Ни разу деревенские парни в столице Сибири не были, местоположение институтов – Сибирского строительного и Новосибирского электротехнического – не знали. В те далёкие советские времена работала в каждом городе «Горсправка». Друзья нашли на вокзальной площади будочку данной организации. Первым обратился за нужным адресом Валера. Приветливая служащая объяснила, что автобусом номер два следует доехать до остановки «Гурьевская», а там рукой подать до искомого адреса. Толя спросил про свой электротехнический институт.

– Да это недалеко от Сибстрина, – сказала из будочки женщина, – можно до той же «Гурьевской».

Друзья обрадовались, рядом учиться. Вместе пошли сдавать документы Валеры, а потом двинулись определяться с будущим Ройтера. Настроение у обоих было приподнятое. Вокруг колготились ровесники, вчерашние выпускники школ. Нашли указанный в «Горсправке» адрес. Толя, пройдя вдоль столов приёмной комиссии, впал в растерянность, – факультета летательных аппаратов не обнаружил. Дабы прояснить ситуацию, обратился к симпатичной девушке, сидящей за одним из столов. Девушка была кудрявая, улыбчивая, весёлая – само обаяние. Принялась разъяснять Толе, что в Новосибирске имеется электротехнический институт, а ещё

– электротехнический институт связи, в коем он находится в настоящее время. И это есть очень даже хорошо! Ему более чем повезло. Судьба привела в один из лучших институтов связи Советского Союза, которых всего ничего по стране, а значит что?

– Что? – глядя на девушку спросил Толя.

– А то, – ответила, светясь улыбкой, – специалисты нашего профиля нарасхват. Не раздумывайте, сдавайте документы и поступайте к нам. Будете всю жизнь вспоминать мои слова и благодарить!

Обаятельную девушку не зря посадили в приёмную комиссию. Говорила напористо, уверенно. Умела красиво убеждать.

И Валера внёс веское слово:

– Поступай сюда, рядом будем учиться.

Толя колебался какую-то минуту.

Отец его, Иван Христианович Ройтер, был связистом в Родной Долине. Даже построил в своём саду новое здание узла связи. В пятидесятые годы деревня стала активно строиться. Каждое лето прирастала новыми домами. Хорошела деревня, а узел связи находился в допотопной мазанке довоенной постройки. Иван Ройтер решил: негоже учреждению, которое соединяет деревню со всем миром (приносит в дома новости и песни, музыку и театральные постановки) ютиться в неподобающем здании. После войны он заложил у своего дома и взлелеял большущий яблоневый сад. Росла в

нём и другие культуры: малина, смородина, крыжовник, но главное – яблони. Весной сад накрывало кипящее белизной облако, на его крыльях сад вплывал в лето. Летний он был красив и под лучами утреннего солнца, играющего светом у подножия деревьев, и в жаркий полдень тенистыми уголками, и на закате, когда вбирал в себя вечернюю тишину. Под деревьями стоял большой стол, вместительный как для сидящих за ним, так и для тарелок с яствами. Нередко собирал он вокруг себя весёлые компании гостей.

В один год хозяин сада решительно пожертвовал его частью под новый узел связи. Кинул клич односельчанам – строим. В деревне было принято возводить дома совместными усилиями. Целые улицы так поднимались. Летом в выходной день соберётся деревня на месте будущего дома, закипит работа. Кто-то стены из саманного кирпича кладет, другие брёвна на доски распускают. Пилорамы в деревне не было. Ставились высоченные козлы, на них зажималось бревно. Один мужик сверху на козлы становился, другой под ними, и давай двуручной пилой водить вверх-вниз... По этой схеме узел связи возводили всем миром. Иван Ройтер не только в хитростях радиосвязи разбирался, много что умел делать, а уж топор играл в его руках. Районное начальство идею нового узла связи поддержало, тем более Ройтер денег не просил, он сам вложил в строительство. Колхоз не отказывался помогать, но на ту пору хозяйство испытывало экономические трудности, Ройтер не стал ждать лучших финансовых

времён, отдал свои накопления, жена учителем хорошо зарабатывала. Чем помогло районное начальство связи, разрешило использовать старые столбы на половую доску, стропила. Узел связи возвели в два этажа, с балконом, который поддерживали мощные листовые колонны.

«Ладно, буду связистом, как папа», – решил Толя и сдал документы очаровательной девушке.

– Спасибо ей! – говорит Толя. – Никогда не жалел, что окончил НЭИС.

Он поступил, а Валера завалил экзамен, рядом друзьям учиться не довелось.

Мест в общежитие на всех студентов не хватало. На первом курсе Толя Ройтер познавал радости жизни по квартирным углам. Сдавая вступительные экзамены, познакомился с Серёгой Фурмановым, приехавшим в Новосибирск с восточных окраин нашей Родины – Петропавловска-Камчатского. Ему подвернулся отличный вариант жилья в доме, расположенном в смешных шагах от института, будильник можно ставить за пять минут до начала лекции. Улицу перебежал и ты в аудитории, просыпайся и впитывай знания, внимая лектору. Никакой транспортной усталости от давки в автобусах и трамваях. Метро ещё не было в Новосибирске.

Апартаменты представляли двухкомнатную квартиру, комната площадью восемнадцать квадратных метров была отведена в распоряжение студентов. Хозяйка жилплощади – тётка Оля – пенсионерка, лет этак пятидесяти семи, полная

деятельных сил. На лавочке перед подъездом с бабульками не сидела, работала сторожем в детском саду, а доброту своего сердца отдавала коту Тишке. Мужа пять лет назад похоронила, детей Бог не дал, зато имелся – Тишка. Был он красавцем. Шерсть пушистая, чёрно-бурого медвежьего цвета с отливом. На кончиках ушей кисточки, как у рыси, глаза умные и наглые. Характер имел вредный. Не сказать, что враждовал с Толей и Серёгой, но недолюбливал, они ограничивали его жизненное пространство, не пуская в свою комнату. Страшно не любил закрытые двери. По утрам рвался к студентам, не давая квартирантам спать.

Тётка Оля обожала любимца до невозможности. Сам за себя говорит факт: было дело, тётка Оля мышку коту поймала. Об этом интимном факте широко не распространялась, по большому секрету посвятила в него соседка по лестничной площадке тётя Лиза. Щедрая душа, она принимала участие в судьбе наших студентов, подкармливая их пирожками собственного приготовления. Пирожки пекла с картошкой, мясом или капустой, и обязательно приносила тарелку, из расчёта по три штуке на каждого, Серёге с Толей. Тёти Лизину стряпню ели они с большой охотой – не отказывались. Тётя Лиза поведала про то, как тётка Оля прочитала в книжке, что самое полезное для кошки питание – это мышка. В ней содержатся все необходимые микроэлементы для гармоничного развития Мурок, Васей и Кисок. То бишь, в природе всё рационально: если ты кошка, лови мышку.

Тётка Оля очень хотела, чтобы Тишка развивался в полной гармонии, и отправилась на мышиную охоту. В детском садике, который охраняла тётка Оля от посторонних посягательств, водились эти полезные для кошек грызуны. Мышеловку с пружиной и ударным механизмом охотник отмел в качестве орудия охоты, как дающую неживой трофей. Тётке Оле нужна была мышь в полном здравии, посему приспособила литровую банку в качестве ловушки. И поймала зверя. Принесла Тишке, с замиранием сердца выпустила перед носом любимца, мышь попыталась улизнуть под диван, но кот, который в жизни не видел подобного зверя, одним прыжком настиг его, мастерски придушил и бросил под ноги хозяйке. Не стал употреблять в пищу комплекс витаминов, микроэлементов и других ингредиентов, полезных для гармоничного развития кошачьего организма. Зря тётка Оля ночь сидела в засаде с настороженной на зверя банкой-ловушкой. Любил Тишка курицу, говяжий, домашнего приготовления фарш, из колбас ел одну докторскую. Была у Тишки губа не дура.

Время от времени тётка Оля поила Тишку валерьянкой. Эта картина заслуживала внимания. В каком бы углу квартиры Тишка не находился, летел на кухню в предвкушении кайфа, стоило тётке Оле открыть аптечку с заветной бутылочкой. Мог снести любого, кто оказывался на пути. На кухне ходил в нетерпении кругами вокруг хозяйки и орал. В переводе с кошачьего это значило: не томи душу – наливай! Тётка Оля отталкивая кота, боясь, как бы он не запрыгнул

ей на грудь, наполняя запашистой жидкостью ложку. Затем склонялась к Тишке, тот, шуруя со страшной скоростью языком, в мгновение ока опустошал ложку. После чего с блаженной мордой уходил в комнату и разваливался на диване.

– Тётя Оля, у него нет алкогольной зависимости? – с серьёзным видом спрашивал Серёга! – Валерьянка на семьдесят процентов из спирта состоит!

– Тиша норму знает! – с гордостью за своего воспитанного кота отвечала тётка Оля.

С вселением к тётке Оле Серёги с Толей, открылась ещё одна страсть у кота – красная икра. Серёге раз в месяц с островной Камчатки приходила посылка с рыбными деликатесами. Мало того, Камчатка была рыбным Клондайком Советского Союза, Серёгины родители работали не последними людьми в рыбной отрасли края. Кета или горбуша, кижуч или чавыча, копчёная рыба, солёная. Деликатесы укладывались в фанерный ящик, предварительно упакованные на десять рядов, чтобы никаких рыбных запахов не проникало наружу. Но кот чуял желанное через фанеру, бумагу, кальку, ткань. Завидев посылку, начинал ходить винтом: требовательно мяукал, тёрся о Серёгу. Не так прельщали его чавыча или кета, хотя тоже употреблял, в посылке обязательно находилась укутанная в бумагу и толстый слой марли пол-литровая банка красной икры. Вот на что западал Тиша. Обо-жал пусть и не больше аптечной валерьянки, но и не намного меньше. Казалось бы, икра солёная, нет – трескал за милую

душу.

Тётка Оля была счастлива, глядя, с каким аппетитом любимец пожирает икру.

– Вы сами-то ешьте, – угощал Серёга.

– Да мне чё, пусть Тиша кушает.

Свою долю отдавала коту, тот без зазрения совести обжирал хозяйку.

В тот вечер Серёга принёс посылку, а тётка Оля ушла на дежурство. Устраивая рыбный пир, друзья единогласно постановили: к рыбе нужно сто граммов. Тётки Оли нет, можно позволить себе под царскую закуску выпить пролетарской водки. Купили поллитровку, накрыли стол. Тишка тоже участвовал в трапезе, получал свою порцию икры, урча от удовольствия, съедал, с довольной мордой отходил переварить. Затем снова тёрся о ногу Серёги.

– Слушай Тишка, ты ешь икру, как пирожное! – сказал Серёга. – Не противно? Нужно сначала треснуть водочки.

– Может, валерьянки ему? – предложил Толя.

– Зачем эту гадость! Слушай, Тишка, тресни с нами водочки!

И Серёга налил в столовую ложку водку. Попытался поднести к носу Тишке, тот отпрянул. Серёгу реакция кота не смутила, он безжалостно сгрёб кота в охапку, начал силком вливать водку в зубастую морду. Тишка «трескаться» отвратно пахнувший напиток не хотел, до крови поцарапал Серёге руку. Однако не остановил кровавой раной Серёгу, тот до-

вёл задуманное до конца, влил в глотку кота ложку сорокоградусной. Тишка мотнул головой и залез под диван. Даже закусывать икрой не стал.

– Ну, ты и изверг, – осудил Толя друга.

– Он ещё счастья своего не знает, – сказал Серёга.

Самое забавное, Серёга оказался прав. Вскоре Тишка выполз из-под дивана и начал ластиться к Серёге, тереться о его ногу. Вовсе не икру просил, к ней интерес потерял. Следующую ложку водки Тишка принял без сопротивления и когтей, сам вылакал до капли. И ещё пару раз подходил за добавкой. Только что песни не начал петь

– Совесть надо иметь! – хохотал Серёга. – Закусывай, а то наклюкаешься!

Тишка не послушался опытного Серёги и наклюкался.

Утром друзья проснулись от громких причитаний тётки Оли. Она стенала над котом:

– Тиша, что с тобой?

Кот лежал пластом. Умирал. Его всегда холёная пышная шерсть, которую едва не каждый день вычёсывала хозяйка, выглядела свалывшейся куделей... Ни лоска, ни блеска, ни красоты.

Не оклемался кот к вечеру, когда Серёга с Толей вернулись из института.

– Даже валерьянку не хочет, – жаловалась на недуг любимца тётка Оля. – Не знаю, что и делать?

Друзья помалкивали о причинах недомогания кота. Тиш-

ка пришёл в себя к вечеру следующего дня.

И всё бы ничего, кабы Серёга не проболтался тёте Лизе под строжайшим секретом. Та принесла пирожки, тётка Оля опять ушла на дежурство, Серёга уминая пирожок, расслабился и проболтался.

– Тиша, ты зачем так напугал хозяйку? – спросила кота тётя Лиза.

Серёга возьми и скажи про Тишкину страсть к алкоголю.

На следующий вечер, тётка Оля встретила вечером студентов суровым:

– Так, друзья хорошие, мне такие квартиранты, которые изгаляются над слабыми животными, не с руки. Я к вам, как к сыновьям, а вы удумали кота спаивать! Да где это видано, чтобы бессловесную тварь силком приучать к выпивке...

Серёга пытался просить прощения, дескать, бес попутал. Ничего не помогло – тётка Оля была непреклонна.

– Вы не дети малые, – гвоздила квартирантов, – понимать должны, кот животное нежное, хрупкое, а вы его алкашом подзаборным делаете.

– Мы думали, раз валерьянку употребляет, ему и пятнадцать капель не повредит.

– Ты не равняй лекарство с алкоголем! Всё – съезжайте!

– Подождите хоть недельку, – слёзно просил Толя, – жильё найти!

– Дня лишнего видеть не желаю. Чтобы утром духу вашего не было.

Пришлось собирать чемоданы. Дней десять жили друзья нелегальщиками в общежитие, потом нашли полдома в частном секторе. С печкой, углем, водой с колонки...

Первое коронавирусное отступление

Первый звонок прозвенел в марте, когда Толя Ройтер с братом Шурой и компанией омичей, именующей себя «шерегешнутые», катался в Шерегеше. Днём носились с «Доллара», «Мустага», «Булочки», «Лба», а вечером шли в баню всей компанией. Пиво, гитара, горячий берёзовый веник. Пели песни, вспоминали забавные случаи из не короткой жизни...

А утром снова на гору, где согласно песни Юрия Визбора:

Там где лыжники
летят по снегу,
где неистовое солнце
о щеку красотки трётся щекой...

Было солнце, величественные пихты Горной Шории, которым безразлично из какого крутого склона произрастать, всё одно тянутся сугубо вертикально в небо. Мимо них носились на лыжах и досках в ярких костюмах красотки, щёчки коих тонировало загаром неистовое мартовское солнце. Шерегешнутые друзья-омичи не отставали от красоток. Не в плане – гонялись за ними, как и те наслаждались скоростным скольжением по снежным склонам. Со свистом в ушах, тугим ветром в лицо.

В то утро, прокатившись раза по три, размявшись, собрались на горе с кондитерским названием Булочка глинтвейн попить. Пьют глинтвейн, вспоминают вчерашние посиделки в бане и тут Шура Ройтер получает от своего шефа эсэмэску: «Александр Иванович, ты смотри, не попади в карантин».

Это прозвучало в середине марта весело и несерьёзно. Какой такой карантин в мирное время. Но, оказывается, время уже было не мирным. Толя вечером получил эсэмэску от жены: «В Омске в магазинах смели гречку и туалетную бумагу. В два дня». Когда-то люди запасались на чёрный день мукой, солью и спичками. Огонь в очаге поддерживать, хлеб испечь, похлёбку посолить. Но чтобы гречкой и туалетной бумагой обеспечивать себя в первую очередь. Новое время – новые песни.

На первом этапе кашель выдавался знатоками за явный симптом коронавируса, тут же посыпались анекдоты «с кашлем».

– Жена ночью кашлянула, у меня вся жизнь перед глазами пролетела.

В автобусе на кашель соседа женщина в испуге округлила глаза:

- У вас что – коронавирус?
- Да нет, открытая форма туберкулёза.
- Слава Богу.

Народ нервно резвился, предлагал ввести новую статью в

Уголовный кодекс: «Фраза: “Чихал я на тебя”, – приравнивается к покушению на убийство».

Из мило простеньких анекдотов на данную тему: «Парашютист, который не надел парашюта, умер от диагноза “коронавирус”».

На первом этапе особо популярными оставались два направления коронавирусного юмора и сатиры – маски и профилактика «короны» при помощи водки и самогона. Маски предлагались из трусов, носок, футболок, и даже пэтбутылок с завинчивающимися крышками в районе рта. Открутил, выпил сто граммов из узкой длинной колбочки, маленьким огурчиком закусил – и никакая корона не страшна.

Серёга Фурманов взял на себя обязанность веселить группу «Май-2020-НЭИС», каких только роликов с «коронавирусной» (так окрестил явление) не размещал. Попутно серьёзным делом занимался: агитировал на встречу в Новосибирске. Самым сложным случаем оказался Петя Волков.

– Пропал, как сквозь землю, – докладывал Серёга Толе Ройтеру.

– Петя ещё тот кадр, – соглашался Толя. – После диплома исчез, ни разу на встречи не приезжал.

– Петю надо разыскать живого или не очень! – говорил Серёга. – Прикинь, не будь этого пазла в нашей институтской жизни, она бы процентов на пятьдесят поблекла.

– Петя ни отнять ни прибавить пазл! Помнишь «Кашу из топора»?

Каша из топора

Толя Ройтер с Серёгой Фурмановым пребывали в тоске. В 512-й комнате общежития кроме них никого не было, а они одетыми лежали на кроватях, безучастно разглядывая потолок, который пора бы давно побелить. День был воскресный. То бишь – никаких лекций, лабораторных, практических занятий, студент должен все силы бросить на самостоятельную работу, к примеру, курсовой проект делать. Кто-то на самом деле сидел в библиотеке, обложившись учебниками, кто-то в институте производил расчёты, чертил схемы, были и такие, кто не утруждал себя, считая: воскресенье – не зря выходной, надо отдыхать. Можно с большим уважением относиться к студентам из первой категории и с осуждением – ко вторым. Хотя жизнь показывает, вторые нередко в профессии достигают не меньше первых, а то и опережают.

Тоска у Толи с Серёгой объяснялась просто. До стипендии оставалось пару дней. Денег ни у того, ни у другого ни копейки. Не рассчитали финансовые средства. С пустым желудком не до курсового. Серёга с Толей ждали товарищей по 512-й в надежде, хлеба на ужин к чаю принесут. О чём-то вещало радио, а друзья лежали и ничего интереснее не придумали, как завели разговор о вкусах.

– Ты бы знал, – сказал Серёга, – что за объеденье морские петушки. Вот говорят: крабы, креветки! Не верь, вкуснее пе-

тушков ничего нет из морепродуктов. У меня дядя полковник в части, где морской подводный спецназ. Бывало, привезёт петушков, которых бойцы несколько часов назад со дна подняли. Вот это вещь!

– Серёга, ты меня извини, – перебил Толя, но петушки, икра – это всё баловство. Будешь ты их есть каждый день? Нет, конечно! Рассольник моей мамы я ел бы каждый день. Варила его в воскресенье, в будни некогда – школьный учитель, в выходной мы ждали всей семьёй. Настоящий рассольник, Серёга, не из мяса варится – из почек. А в бульон добавляется рассол огуречный. Огурцы, само собой, солёные. Какой рассольник без огурцов. И в русской печке. Вот это, скажу тебе, вещь! Сейчас тарелочку размером с тазик умял бы и ещё добавки попросил!

– Толя, ну ты изверг. Нам сейчас какую-нибудь кашу и то бы класс. А ты – рассольник.

– Если только из топора? – сказал Толя. – В конце концов, варил солдат из топора в классической русской сказке. Мы студенты, чем хуже?

– Топор у нас есть, – глубокомысленно произнёс Серёга. – А вот чугунок нет!

– Зато кастрюля имеется! – развил народно-сказочную тему Толя. – В ней не из топора, из бензопилы можно варить.

Алюминиевая кастрюля объёмом в ведро стояла на антресолях шкафа. Она предназначалась для походов. Там же на антресолях валялся туристский топорик. Не таких размеров,

как у солдата, варившего кашу, входил в кастрюлю вместе с топорищем.

Дальше началось сказочное действо: Серёга вскочил с кровати, поставил к шкафу стул, достал кастрюлю и топорик.

– Варим! – прыгнул со стула.

– Варим! – безоговорочно поддержал товарища Толя.

Он достал из-под кровати электроплитку, наполнил кастрюлю водой, поставил на конфорку.

– Топор в холодную воду опускать? – уточнил рецепт каши Толя.

– Солдат заливал холодной, – уверенно сказал Серёга.

Толя заложил топор в кастрюлю, закрыл крышкой.

– Только не пересоли, – предупредил Серёга. Он наемкнул на картошку, которую Толя жарил на днях и посолил два раза.

Петя Волков вошёл в 512-ю, когда каша варилась полным ходом. Ниже среднего роста, нехилый в плечах, нос картошкой, маленькие острые глазки, белобрысый он за знаниями в Новосибирск приехал из деревни. В те времена бытовала на радио песня: «Деревенька моя, деревянная дальняя». Были в ней ещё и такие слова: «Родная моя, деревенька-колхозница». Песня точь в точь про Петину родину. И деревянная, и колхозница, и дальняя. Но учили в «колхознице» подрастающее поколение основательно. Петя без проблем сдал вступительные экзамены в институт, без потерь прошёл сито первых сессий, прочно утвердился в статусе студента. От-

личался он цепким умом, упрямством и угрюмой прижжимистостью.

– Что ж вы хотите, – объяснял свою скаредность Петя, – во мне течёт не голубая дворянская кровь, а примитивно крестьянская. А мы, крестьяне, люди расчётливые.

В институтской общаге едва не каждое второе сердце гоняло крестьянскую кровь, но у Пети была она чересчур сдобрена дрожжами расчётливости. Петя не то, что слишком любил деньги, он страшно не любил с ними расставаться. Отсюда был не прочь задарма поесть, выпить. Понимал в себе эту не поощряемую окружающими черту, старался скрыть, да натура брала своё. К «крестьянской» слабости Пети относились кто с осуждением, кто с сочувствием, кто с юмором.

Петя не был один к одному с известным персонажем поэмы Пушкина «Скупой рыцарь», вносил свою долю в общежитский колхоз. После зимних каникул обязательно привозил из «деревянной» своей деревни гуся, его ели всем этажом, рюкзак картошки, шмат сала площадью в квадратный метр. Бывало, с оказией присылали Пети родители добрый кусок мяса. И тогда Петя был на коне, вооружался кухонным ножом:

– Мужики, – отдавал команду, – с вас керосин, а я жаркое забодяжу из свежинки.

«Керосин» в переводе со студенческого жаргона – спиртное.

Петя, не жалея мяса, картошки, лука, моркови и «забодя-

живал» огромную сковороду жаркого, устраивал объедаловку.

И всё же Петя был уникам.

Напомним, студенчество наших героев пришлось на конец шестидесятых годов прошлого века, начало семидесятых. Советская торговля не предлагала широкого разнообразия табачных изделий. Лучшими сигаретами считались болгарские с фильтром: «Ту-134», «Стюардесса», «Опал». На прилавках они не залёживались, тут же сметались заядлыми курильщиками. Зато постоянно была в наличии «Шипка», тоже болгарские, но без фильтра и цена доступнее – четырнадцать копеек. Отечественная табачная промышленность в больших объёмах выпускала термоядерные «Прима» и «Астра». Для профессионалов. Покурил, так покурил. Особая статья табачного рынка – вьетнамские сигареты. Торговля предлагала их несколько видов, какой ни возьми – откровенная гадость. Не исключено, вьетнамцам в непроходимых джунглях в условиях войны с Соединёнными Штатами вполне подходили. Сибиряки плевались, попробовав табачное изделие, выпущенное братским народом. Замечательный вьетнамский бальзам «Звёздочка», стоило втереть его в виски, помогал при головной боли, вьетнамские сигареты вызывали эту боль. Не зря в народе называли их «Портянки Хо Ши Мина», или просто «Портянки» в честь первого президента Демократической республики Вьетнам – того самого Хо Ши Мина.

Петя Волков курил исключительно «Портянки». И не из-за солидарности с многострадальным Вьетнамом в его войне не на жизнь, а на смерть с американцами. Он оставался всем сердцем на стороне героического народа, но курил его сигареты по той простой причине, никто не стрелял их. Петя мог совершенно спокойно достать сигарету, чиркнуть спичкой и наслаждаться процессом вдыхания и выдыхания никотина, никто не мешал, не портил сладких минут, так понятных заядлому курильщику. А если кто и делал шаг в сторону Пети с извечной просьбой «дай закурить», тут же отпрыгивал, увидев источник сигаретного дыма. Даже мучимые никотиновой жадой не западали на вьетнамский табак.

Была ещё одна особенность у Пети – мастерски играл в шахматы. И здесь проявился крестьянский подход с его тягой к рациональности. Петя был мастером эндшпилей. В его «деревне-колхозницы» не было шахматной школы. Петя своим умом постигал премудрости древней игры. Изучая теорию, он сделал упор на концовки партий. В пионерской юности он где-то вычитал: каждый интеллигентный человек должен хорошо играть в шахматы. Фраза упала на благодатную почву. Петя мечтал стать настоящим интеллигентом и взялся за теорию шахмат. И сделал для себя вывод: не стоит расплываться на всё, его цель не гроссмейстерское мастерство, лучше сосредоточиться на одном. Он стал изучать эндшпили. Цепкий Петин ум, и отличная память сделали своё дело.

Поступив в институт, сделал для себя открытие: играть следует на интерес. В деревне данная рациональность не практиковалась, но в городе, будучи ещё абитуриентом, набрёл в сквере на компанию мужчин, играющих в шахматы на деньги. И в общаге обнаружил таких любителей древней игры. Садясь за клетчатую доску, Петя стремился быстрее разменять фигуры, в эндшпиле чувствовал себя рыбой в воде и дожимал соперника. Мог прибегнуть к грубому, но беспроигрышному приёму, если чувствовал соперник слабее: сдавал одну-две партии, раззадоривал оппонента, будил в нём азарт, а потом планомерно обчищал, выигрывая партию за партией.

Петя Волков нарисовался на пороге 512-й в разгар приготовления каши из топора. Глазками в сторону плитки стрельнул, а из кастрюли заманчивый пар. Петя виду не подал, но не смог скрыть оживления от возможности поживиться. Сидел без денег, за день до этого заходил, пытаюсь занять до стипендии.

– Петя, – напрямую сказал Серёга, – вижу, ты не прочь присоседиться к нашей каше. Принёс бы со своей стороны что-то к ней. Хотя бы хлеба.

– Какой хлеб, – честно сказал Петя. – У нас в комнате сухаря заваливающего не осталось. Сами на мели.

– Сгоняй к девчонкам, – предложил Толя.

В пятиэтажном общежитии первый этаж занимали технические помещения, на втором и третьем жили девушки, на

четвёртом-пятом – парни.

Девушки есть девушки, лучше, чем парни, умеют растягивать стипендию и съестные запасы. Петя разжился кусочком сала, граммов семьдесят, и четвертинкой хлеба.

– Класс! – сказал Толя. – С кашей в самый раз сальцо пойдёт...

Петя с победным видом положил добычу на стол, он почувствовал себя уверенней, как-никак внёс свою долю в трапезу.

– Когда уже? – спросил в нетерпении

– Подожди ты, – сказал Серёга, – это перловка, она долго варится. По-хорошему, надо на ночь заливать крупу холодной водой, чтоб размякла...

– Чё ж не поставили! – бросил с упрёком Петя.

Толя подошёл с ложкой к кастрюле, стоящей в дальнем углу у окна, сделал вид, что попробовал варево.

– Нет, – сказал, изображая пережёвывание каши, – надо ещё поварить.

– Дай-ка я отведаю, – в свою очередь взял ложку Серёга.

– Вы так сожрёте всё! – забеспокоился Петя. – Один пробует, другой!

– Ещё минут десять надо, – сказал Серёга, – чтобы дошла.

Минут через пять Толя поднялся с кровати со словами:

– Пора посолить.

– С солью не переборщи, – предупредил Серёга. – Ты, кажись, влюбился, картошку в прошлый раз испортил...

– Я как-нибудь без советчиков, – деланно обиделся Толя.

Он с деловым видом взял пол-литровую банку с солью, зачерпнул пол столовые ложки, поднял крышку, бросил.

– Помешай, чтоб не пригорела! – командовал Серёга.

– Как-нибудь без слишком умных обойдусь.

– Да скоро есть-то? – не выдержал Петя.

– Да погоди ты, торопыга! – сказал Толя. – Мы не хрю-хрю недоваренное употреблять. Потерпи чуток!

И произнёс мечтательно:

– В неё бы граммов сто масла деревенского граммов, да в русскую печь, чтоб дошла.

– Какая печь! – вскочил с табуретки Петя и бросился к плитке.

Сорвал с кастрюли крышку, в ответ ударило в него облако пара, Петя инстинктивно зажмурил глаза, а когда открыл, вместо ведра каши, от коего хотел прилично отъесть, увидел в бурлящем кипятке сиротливо лежащий топор.

– Дураки! – швырнул Петя крышку на кастрюлю и вылетел из комнаты.

Толя с Серёгой, не сговариваясь, метнулись к столу, разломали напополам хлеб, ножом располовинили сало и вгрызлись в него...

Когда через пару минут Петя снова заскочил в 512-ю, стол был пуст. Петя метнул на него жадный взгляд, а потом устался на Толю с Серёгой, те сидели с набитыми ртами.

– Дураки! – с болью в голосе прокричал Петя. – Чё так

жрать-то! Я же на всех брал.

– Дак мы думали, ты расхотел...

– Думали они, – скривил презрительную физиономию Петя. – Вы только задницей и умеете думать.

И ушёл хлопнув дверью.

И всё же Петя последнее слово оставил за собой. Он пришёл вечером, издеваясь, стал рассказывать, какой отличный борщ съел в столовой на первое. Полную порцию. Это, во-первых. Во-вторых, на второе он смолол две порции пельменей. А сверху залил, во-первых, компотом, а во-вторых, киселём.

Раздосадованный розыгрышем с топоринной кашей, Петя отправился к второкурсникам, раскрутил одного из них на «партейку» в шахматы и заработал три рубля.

– Неужели с тобой, шулером, кто-то ещё садиться играть? – спросил Серёга.

– Не надо грязи. Всё по чесноку!

– Тогда займи рубль, – попросил Толя.

– Нет уж, нет уж, – хитро улыбаясь, сказал Петя, для этого сладкого момента он, собственно, и заглянул в 512-ю, – а мне завтра что – опять кашу из вашего топора хлебать? Кушайте сами, я лучше борща с пельменями наверну.

И с победным видом удалился.

Второе коронавирусное отступление

Толя бросил в группу анекдот: «Мне кажется, коронавирус больше замучил людей замучил, чем убил».

Серёга тут же ответил в тему:

«Граждане, – воззвал в соцсетях растерявшийся гражданин, – никто не знает, как долго на карантине никого не пускать в квартиру? А то жена третий день стучится».

Смех смехом, но не из пальца ситуация высосана. Аркаша Чехов на анекдотичный пример с женой, три дня под дверью живущей, свой привёл. В соседях у него молодые люди – она радиоведущая, он чего-то там менеджер. Квартира ведущей на четвёртом этаже, её мама-папа через потолок на третьем. Месяц с родителями по верёвке общается. Ведро к верёвке привязывает, туда молоко, сыр, колбасу, медикаменты и остальные актуальные для жизни предметы складывает и со своей лоджии опускает, а взамен бытовой мусор поднимает в том же ведре. Мама-папа не дремучие старики – ровесники Чехова. Но запугала их дочь, и сами они себя запугали.

Окончил свой рассказ Аркаша следующей фразой:

– Недавно встретил грустный анекдот: «День отмены самоизоляции страна будет отмечать, как День Победы». Мои соседи точно, как день победы. Если ещё доживут.

Серёга не мог отыскать Петю Волкова. Петя распределился в Забайкалье. И пропал. Доходили слухи, он женился, по-

том развёлся. Да не сам инициатор, жена сама ушла. Лет пять прожили, после чего покинула Петю.

– Замучил, поди, скупердьяйством, – предполагали однокурсники. – Зажиливал зарплату. Какой жене понравится.

– Хитрован Петя мог сначала отдавать, а потом выигрывать в шахматы.

Предположение основывалось на той информации, что жена тоже шахматистка. В шахматном клубе отыскал Петя свою судьбу горемычную.

Как уже говорилось, шахматы Петя сделал статьёй дохода. А ещё он был спорщиком. Рациональный до мозга костей и азартный. Хотя спорил наверняка. В нижеследующем случае жадность подвела.

В Алма-Ату за пивом

Что такое секретарь в приёмной декана, знает любой студент. Если это профессионал – цены ему нет. В нужный момент декану о тебе слово замолвит, надо с преподавателем переговорит, даст разрешение на повторную сдачу экзамена. Мария Васильевна сполна отвечала всем этим качества. Было ей под пятьдесят, из поколения прошедших войну. Даже повоевать пришлось. Мудрая и с юмором. Просматривая списки поступивших в тот год на специальность «Многоканальная электрическая связь», обратила внимание, что немало студентов со звучными фамилиями: Айвазовский, Чехов, Фурманов, Крылов.... Взяла всех в одну группу определила – М 86 – и назвала её «группа классиков».

– Пушкина бы вам ещё подобрать...

Этот случай произошёл на четвёртом курсе. Обычно экзаменационные сессии проходили в январе и июне, в интересующий нас год четвёртому курсу весеннюю сдвинули влево – на май. Сделали это под работу специализированного стройотряда. В июне студенты уезжали на строительство государственного важного объекта связи. Май погодой не радовал, конец апреля поманил теплом, пару деньков по-летнему жаркие постояли, майские праздники порадовали тёплым солнышком, дальше пошло по пословице: май – доху надевай да на печку полезай. Холод, дожди по-осеннему нудные,

небо облаками затянуто. Непоэтическая весна, вовсе не такая, когда май – под каждым кустом рай.

Витя Айвазовский был местным, жил с родителями, и частенько бывал в общежитии. Есть присказка: кто в общежитии не жилал – студенчества не видал. Витя суть изречения на себе чувствовал, по делу и без оного заглядывал к одногруппникам в общагу. По делу, когда по праздникам устраивались дружеские пирушки: Новый год, 8 Марта, День Советской Армии и Военно-Морского флота, чьи-то дни рождения. Да мало ли по какому поводу могут сброситься студенты в любой будний день и устроить застолье. Айвазовский старался не пропускать оные. Да и без праздников от домашней скуки шёл в общежитие. Не хватало ему духа общежитской вольницы. С Толей Ройтером они дружили, поэтому чаще Айвазовский бывал в 512-й комнате.

Айвазовский все годы учёбы получал повышенную стипендию, как и Ройтер, оба учились достойно. Но в ту весеннюю зачётную сессию с Айвазовским случился досадный казус, объясняемый крылатым выражением: слово не воробей – вылетит, не поймашь! Или ещё: язык мой – враг мой. И слово вылетело и язык врагом оказался. Вражеские качества проявил на одном из занятий по «Теории дальней связи». Схватить на лету – это об Айвазовском. Ему стоило прослушать лекцию, чтобы понять и запомнить самый трудный материал. Ким Ефимович Славский вёл занятия по курсу «Многоканальная электросвязь» и допустил неточность в

своих велеречивых рассуждениях. Айвазовский мгновенно уловил ошибку. Молодому, ретивому, заносчивому преподавателю выпад студента страшно не понравился.

– Не-не-не-не! – выкрикнул с места Айвазовский. – Здесь совсем не такая петрушенция!

И объяснил, какая должна быть. Все поняли: на самом деле «не-не-не-не». Айвазовский попал в точку. Амбициозный Ким Ефимович, который на студентов смотрел исключительно сверху вниз, если не сел в лужу, то подсел – это уж точно. Особенно задела «петрушенция». Будто студент обвинил в незнании элементарного.

Славскому сдавали зачёт по итогам семестра. Айвазовский не сдал его со своей группой. Не сделал из этого трагедии, спокойно отнёсся к недоразумению. Всяк бывает. Предмет знал, посчитал: Ким Ефимович утешит ущемлённое самолюбие, на этом всё и закончится. Но нет, Витя через день пошёл сдавать зачёт с параллельной группой, и снова завалил. После чего со счёту сбился, сколько раз Ким Ефимович ставил «неуд». Зачётная неделя завершилась, группа вышла на сессию, первый экзамен сдала, второй, Айвазовский всё бегаёт по институту с «хвостом», ловит Кима Ефимовича, а тот откровенно ваньку валяет: назначит срок сдачи, потом переназначит, дескать, некогда ему. Снизойдёт, начнёт принимать и снова завалит. Это была едва не десятая попытка, когда наконец-то поставил зачёт.

В тот день группа получила стипендию. Никаких торжеств

по этому поводу не проводили – сессия. И экзамен серьёзный по предмету «Многоканальная электросвязь». Только что не Ким Ефимович принимал, на счастье Айвазовского и остальных, а завкафедрой... Человек серьёзный, но не въедливый.

Айвазовский вошёл в 512-ю комнату сияющий счастьем. В комнате находился один Ройтер, сидел за столом с конспектом лекций, готовился к экзамену. Витя с порога обратился с деловым предложением:

– Толя, предлагаю отметить мой зачёт и последнюю повышенную стипендию! Больше мне её не видать как своих ушей, надо ухитриться хоть какую-то получить.

– Ты чё, какие отмечания! – резонно возразил Ройтер. – Экзамен на носу и какой!

– Мне к трём готовиться и то не вибрирую. У тебя четыре дня впереди. Заучиться можно. И не беспокойся – я угощаю. У меня праздник.

– Нет, – отказался Толя. Он был рад за друга, прошёл Славского, но экзамен есть экзамен.

– Пошли хотя бы пивка попьём. Душа просит. Такая гора с плеч.

Поблизости работал всего один пив-бар на Большевицской. Самый настоящий шалман, со всеми красотами: антисанитария, скученность, шум. Высокие круглые столы, пригнать некуда, употребляли пиво стоя. Контингент соответствующий: утром угрюмые и похмельные физиономии, ве-

чером, порядком набравшиеся, доходило до мордобоя. Заведение не блистало интеллигентностью и эстетикой. Студентов, смотрящих на мир с большим зарядом оптимизма, это не останавливало, случалось, заглядывали компанией пропустить по одной-другой кружке пенящегося напитка.

Предложение Айвазовского Толю не вдохновило. Он был настроен на подготовку к экзамену «Многоканальная электросвязь».

– Было бы что-нибудь приличное, – сказал. – А то натуральный шалман.

Как потом вспоминал: «Дёрнуло меня сказать: вот в Алма-Ате класс с пивом! Вот куда бы я ходил».

На втором курсе Ройтер, вместе с компанией одноклассников, увлёкся альпинизмом, поехал в Алма-Ату в альплагерь «Талгар». Столица Казахстана восхитила культурой питья пива. Заходишь в парк, там на каждом шагу ларьки с отличным пивом, пол-литровая кружка стоимостью двадцать пять копеек. Настоящее, по классической технологии сваренное светлое «Жигулёвское» или тёмное «Таёжное». Рядом ещё одна торговая точка тут же на улице – мангал, шашлыки жарят. Двадцать копеек платишь и получаешь качественный шашлык. Пусть не метровый шампур, сантиметров сорок, но объеденье. Барашек ещё вчера травку в горах щипал и приготовлен мастером. Одну-другую кружку пива выпьешь, один-другой-третий шашлык съешь и сыт по горло, настроение на седьмом небе.

И вообще – южный город, окружённый величественными горами-снежниками. Посмотришь вдаль, и ёкнет сердце – как прекрасна эта жизнь! В ней есть скалы, ледники, перевалы, альпийские луга, горные стремительные реки... Это совсем рядом, а пока перед тобой кружка пива, в небе яростное солнце, над головой зелень чинары...

Айвазовский альпинистом не был, в альплагерь не летал, восхождения в горы Тянь-Шаня не делал. И в Алма-Ате разу не был. Толя с удовольствием начала рассказывать о чудесном горном крае. Он хоть и напирал на тему – «готовиться к экзамену надо», как и всякий студент, подсознательно радовался любой «веской» причине отвлечься от конспектов. Красочно описал Айвазовскому красоты пивопития в Алма-Ате. Дескать, вот где пропагандируется культура употребления пива.

– Быть такого не может! – сказал с завистью Айвазовский.
– Что я тебе врать буду! Спроси у Чехова.

Чехов был старостой группы, жил в этой же 512-й, но в тот момент был в институте.

– Слушай, а это идея! – вдруг оживился Айвазовский и произнёс на полном серьёзе. – Толя, а полетели в Алма-Ату.

Предложение было более чем неожиданным. В то же время не из фантастических. Финансово вполне осуществимое. Оба в тот день получили повышенную стипендию – почти шестьдесят рублей было у каждого в кармане. Если учесть, что в студенческой столовой на пятьдесят копеек можно бы-

ло отлично пообедать – очень даже неплохие деньги. Билет в Алма-Ату стоил 28 рублей. Это если полный тариф, но студентам предоставлялась транспортная лафа в Советском Союзе – пятидесяти процентная скидка. Она была со своим нюансом, не действовала летом, но ведь шла весна.

– Полетели! – напирал Айвазовский. – Сегодня вылетаем, завтра гуляем по Алма-Ате с пивом и шашлыками на каждом углу, послезавтра обратно. У меня классный дядя Боря в Алма-Ате. Он сколько лет зовёт, а я всё собираюсь. Нам не надо никаких гостиниц, есть где бросить кости.

Самое интересное – Ройтер согласился:

– А полетели! – решительно захлопнул конспекты.

И друзья пошли за билетами. Авиакассы были под боком у общежития, расписание, лучше не придумаешь – ближайший рейс ночью. Под утро они прилетают в Алма-Ату, день у них на взятие города, и на следующий день летят в Новосибирск. И ещё целых два дня на подготовку к экзамену.

Если подумать, два дня не так много, даже мало. Да кто не рискует, тот шампанским не салютует своим победам.

Купили билеты, вышли из касс, Айвазовского снова осенило. На волне радости от сдачи зачета он фонтанировал идеями.

– А давай устроим проводы! – предложил. – Путь неблизкий, летим в другую республику. Ребята могут нас не понять.

Толя поддержал и это предложение. Ну, не сидеть над конспектами с билетом в кармане.

Пришли в общежитие с билетами, бутылками вина, консервами «Килька в томате», двумя булками хлеба и колбасой.

Комната под номером 512 к тому времени была в полном составе. Ни один не высказался против вечера проводов друзей в столицу Казахстана. Аркаша Чехов с нотками зависти сказал:

– Отчаянные вы, ребята, я и сам составил бы вам компанию, но завтра утром надо в деканат. Декан старост решил собрать.

Быстро накрыли стол, задорно зазвенели гранёные стаканы. Зазвучали тосты с пожеланиями лёгкой дороги, красивого времяпровождения и победного возвращения восвояси. Вдруг запахнулась дверь и вошёл Петя Волков. Нюх у Пети на дармовщину выпить-закусить был на редкость развит.

Пете тоже достали стакан, он с удовольствием осушил его, закусил бутербродом из колбасы, после чего с полным ртом принялся заинтересовался, в связи с чем собственно сабантуй.

– Чё это вы бражничать вздумали, – спросил Петя, прожёвывая бутерброд, – экзамен на носу. Ладно я, наша группа сегодня сдавала...

И подвинул свой стакан ближе к бутылке, намекая: ему-то можно ещё выпить.

Чехов не был скуп на спиртное и сигареты. С удовольствием угощал при наличии того и другого.

– Знаешь, Петя, – сказал он, наполняя Петин стакан. – Я решил сегодня устроить расслабон себе и этим гаврикам. Они – Чехов обвёл рукой сидящих за столом, – сегодня в моём абсолютном подчинении, что я ни скажу, обязаны выполнять беспрекословно.

Ещё одна особенность многогранной натуры Пети – спорщик. Профессиональный. Такой, который на авось не бросится заключать пари. Спорил, будучи уверенным в выигрыше. Голова его была нашпигована информацией. В школе прочитывал все научно-популярные и художественные журналы, что получала сельская библиотека: «Техника молодёжи», «Химия и жизнь», «Наука и жизнь», «Пионер», «Костёр», «Юность». Читал Петя с завидной скоростью, и всё в себя впитывал. Порой удивлял всех, называя, к примеру, всех маршалов Наполеона Бонапарта, или королей Англии. Не простой был Петя. И хитрован. Если чувствовал, победа обеспечена, тонко подводил оппонента к заключению пари, делая вид, что сам сомневается в успехе. Играл на струнах азарта, раззадоривая оппонента Как в шахматах: сдаст для затравки одну-вторую партию, а потом берёт штук пять подряд. Петя был игроком по натуре.

– А чё это ты раскомандовался? – не поверил он Чехову. – Да врешь поди!

– Чё врешь, я тебе говорю, – сказал с невозмутимым видом Аркаша.

Аркаша был парнем хоть куда: представительный, уважа-

емый на факультете, в деканате. Состоял в студенческом научном обществе, подрабатывал на кафедре, учился без троек.

– Они сегодня в моём подчинении, проспорили свою свободу! Мои приказы выполняют беспрекословно. Видишь, поляну накрыли. Но это ещё не всё. Спорим, скажу Айвазовскому: мотай в Москву в магазин «Российские вина», привези румынское вино «Мурфатлар», я его обожаю. Спорим?

Петя судорожно осмысливал полученную информацию: спорить или здесь какой-то подвох. За вином на самолёте в Москву, это что – его за дурака держат?

Хорошо подыграл Аркаше Витя Айвазовский.

– Ну, ты Аркаша загнул, – сказал он. – В Москву это уж слишком. И погода там, утром передавали, как и у нас мерзопакостная...

– Вот трепачи! – обрадовался Петя и передразнил Аркашу: – «Выполнят любое моё приказание».

– Если в Москву не хочешь, – будто не слыша Петину реплику, сказал Аркаша, – дуй в Алма-Ату. Люблю коньяк «Казахстан». Доставь мне пару бутылочек.

– Чё я крайний! – недовольно отреагировал на «приказание» Айвазовский. – Да и скучно одному, пусть и Толя со мной.

– О, точно, дуйте вдвоём!

Петя вошёл в ступор от такого поворота: фантастично выглядел полёт одного за коньяком, вдруг ещё и второй до ку-

чи.

– Так спорим или схлюздил? – повернулся Аркаша к Пете.

– А чё это я схлюздил! – уверенно сказал Петя. – Спорим!

Петя расценил момент как самый-самый, когда надо хватать соперника за жабры, чтобы не передумал. Он перешёл черту, за которой будет выглядеть в глазах окружающих «хлюздей».

Аркаша протянул руку через стол, Петя, уверенный в победе, сунул навстречу свою. И они поспорили на четыре бутылки портвейна.

После чего Аркаша тоном, не исключаям возразений, скомандовал Айвазовскому и Ройтеру:

– Дуйте за билетами.

Игра продолжалась, Айвазовский с Ройтером полезли в шкаф за куртками, оделись-обулись и ушли. Погуляли по улице и вернулись в 512-ю, помахивая билетами.

Петя, не веря своим глазам, схватил билеты, долго крутил их, рассматривал на просвет, только что на зуб не попробовал, пытаясь найти подвох. Потребовал паспорта, сверил номера документов с цифрами на бланках. Не мог он согласиться с этим фактом. Пусть Аркаша староста группы, уважаемый студент, но Айвазовский тоже не лыком шит. Из обеспеченной семьи, умница, ни от кого не зависит. Да плевать он хотел на какие-то приказания Аркаши. И Толя Ройтер не мямля, на него где сядешь там и слезешь – не покомандуешь.

– Билеты липовые, поди, – пытался зацепиться за соломинку Петя, – есть ухари, червонцы рисуют, что ему билет сделать.

– Петя, – сказал Чехов, – ты нарываешься на штраф. Иди уже за вином, а то магазин закроют.

Вино-водочные изделия продавали в те времена до семи вечера, стрелка часов перевалила барьер шести часов.

– Купить я куплю, – сказал Петя, сдавшись под напором убийственных фактов, – но если наврали...

Петя ушёл в свою комнату, через пять минут заглянул в 512-ю в плаще и с пустым портфелем.

– Если наврали, – бросил всем, – вдвойне мне поставите.

– Иди уже, Петя, не нервируй меня! – сказал Аркаша.

Петя вернулся с полным портфелем, но Айвазовский и Ройтер от продолжения банкета отказались, им пора было «на крыло» – в аэропорт.

В пункт назначения прилетели на рассвете. Алма-Ата встретила теплом, буйством зелени, горами на горизонте и дядей Борей. Он стоял в зале ожидания. Багажа у путешественников не было, сразу прошли к машине дяди Бори. Зелёные новенькие «жигули».

– Полгода как взял! – похлопал по капоту дядя Боря.

Было ему под сорок – пижонская бородка, фирменные джинсы, мокасины на ногах, чёрная водолазка. Жизнь его смахивала на студенческую. Работал в научно-исследовательском институте, обитал один в двухкомнатной кварти-

ре. Был когда-то женат, но как сам сказал: «Опыт семейной жизни не удался». В углу коридора лежала палатка в чехле, рядом стояли горные ботинки – трикони, тут же валялся ледоруб, бухта реп-шнура и парочка карабинов, но не тех, из которых стреляют, это были скобы с пружинными защелками, что используются альпинистами в качестве соединительного устройства.

– Лучше гор могут быть только горы? – спросил Ройтер.

– Ну, – ответил дядя Боря. – Ты что ли тоже из турья?

– Есть немного.

– Свой человек. А Витька не любит горы.

– Умный в гору не пойдёт, – сказал Айвазовский, – умный гору обойдёт.

В качестве завтрака они попили кофе с бутербродами, а потом пошли в парк. Всё получилось ровно так, как звучало во вдохновенном монологе Ройтера в 512-й комнате: пиво по двадцать пять копеек, шашлык – по двадцать копеек. Плюс к этому море зелени, маняще сверкающие снежные вершины на горизонте. Праздник души и чрева. Продолжился он в бане. Дядя Боря повёз племянника с другом на дачу к своему знакомому.

Под вечер вернулись на квартиру к дяде. Снова застолье. С вином не рассчитали. Вечер в разгаре, а бутылки пустые.

– Я сгоняю за винишком, – поднялся из-за стола Айвазовский, – где тут поблизости магазин.

– Сидеть, – приказал дядя Боря. – Сейчас всё будет. Вы-

зовем службу доставки.

Он нырнул в платяной шкаф, достал с полки большое махровое оранжевое полотенце и вышел на балкон.

Минут через пятнадцать затрезвонил звонок входной двери. Дядя Боря скрылся в коридоре, с кем-то поговорил, вернулся, сел за стол, подмигнул гостям.

– Кто это был? – спросил Айвазовский у дяди.

– Секрет, – снова с многозначительной улыбкой подмигнул дядя Боря.

Минут через десять снова зазвенел звонок, дядя Боря пошёл на звук и вернулся с двумя бутылками вина в руках, следом шла не без смущения на лице симпатичная женщина.

– Банкет продолжается, – объявил дядя Боря и представил спутницу: – Алина! Тоже альпинистка.

На что подвыпивший Толя несколько неуместно процитировал популярную песню:

Ох, какая же ты близкая и ласковая,
Альпинистка моя, скалолазка моя!

Дядя Боря подхватил:

Мы теперь одной веревкой связаны –
Стали оба мы скалолазами.

Алина была с короткой стрижкой, загорелым лицом, спор-

тивной фигурой.

– Между прочим, мастер спорта, – сказал дядя Боря.

– Ух, ты! – искренне удивился Толя. – Здорово!

– Настоящая скалолазка! – с гордостью произнёс дядя Боря. – Не песенная.

Как позже выяснилось: Алина жила в этом же доме. Стоял он буквой «Г». Квартира дяди Бори находилась на третьем этаже в первом подъезде, у основания «буквы», а квартира Алины была на пятом этаже в крышке «буквы». Телефона у Алины не имелось, назначая встречу подружке, дядя Боря вывешивал на балконе оранжевое полотенце. Шпионский кинофильм да и только.

Алина посидела для приличия минут двадцать, выпила фужер вина и ушла.

На следующее утро дядя Боря отвёз сибиряков, переполненных впечатлениями, в аэропорт. В полёте они попытались готовиться к экзамену, раскрыли конспекты. Но сказались недосып последних двух дней и ночей, Как ни старались сосредоточиться на лекциях по теории дальней связи, глаза предательски слипались под равномерный гул двигателей.

Тем не менее, Толя с Витей без проблем сдали экзамен, Витя – на «отлично», Толя – на «хорошо».

– Как я вам завидую! – сказал Аркаша Чехов, выслушав отчёт о проделанном путешествии. – Класс!

Петя Волков пытался оспорить у Чехова результаты пари, когда узнал всю подоплёку вояжа Айвазовского и Рой-

тера в Алма-Ату. Не на шутку раскипятился. Понимал шаткость претензий, как простофиля попался на мякинку. Сам не один раз ловил других на живца, а тут заглотив его в предвкушении выигрыша.

С пересмотром итогов спора ничего у Пети не выгорело, многочисленные свидетели держали сторону Аркаши. Формально все условия пари были выполнены, даже коньяк «Казахстан» доставлен из «Алма-Аты», им 512-я отметила сдачу экзамена.

Петя бухтел, выражал недовольство, но от коньяка не отказался.

– Мне больше конины лей, – командовал Аркаше, подставляя стакан, – если бы не я, не видать вам коньяка как своих ушей. Вино моё на халяву скушали, ещё и коньяк... По справедливости судить – моя это конина...

Третье коронавирусное отступление

Аркаша Чехов позвонил Толе Ройтеру и сообщил сногшибательную новость: он столкнулся с внуком Льва Давидовича Студеницкого. Поднялась температура, забеспокоился, вызвал доктора. Приходит по фамилии Студеницкий.

– Я его спрашиваю, – рассказывал Аркаша, – вы случайно не родственник профессору Льву Давидовичу? Оказалось – правнук. Рассказал ему, как прадед ловил рыбу. Он расхохотался. Очень похож на Теорему Ферма, особенно в профиль, в анфас не так, лицо шире, а в профиль – один к одному. Но по характеру – полная противоположность. Подвижный, весёлый. Отправил меня по благу, как-никак я у прадеда учился, на компьютерную томографию, чтобы точно знать, что не коронавирус.

– И что? – спросил Ройтер.

– Всё в лучшем виде! Как говорится: сдай, сверчок, свой мазок! Или: незванный гость – хуже инфицированного!

Теорема Ферма и камбала

Преподаватель Лев Давидович Студеницкий был рафинированным математиком и интеллигентом до мозга костей. Студенты звали его Теорема Ферма. На одной из лекций с упоением рассказывал о французском математике Ферма и его теореме.

Лев Давидович ходил по коридорам института с отрешённым видом, погружённым в себя. Было ощущение, постоянно ищет доказательство теоремы Ферма. Толя Ройтер однажды оказался свидетелем драматичной картины. Лев Давидович жил недалеко от института, в преподавательском доме. Воскресенье, он идёт по улице и не один, с внуком. Внуку лет пять и совершенно не в деда уродился. Лев Давидович держал его за руку, и пока он делал один шаг, внук успевал набегать десять. Вперёд залетит, назад вернётся. Как лошадь на корде, которая Накручивает круги вокруг тренера, только что внук Накручивал полукруги. Ещё та вертушка.

Дед как всегда пребывал в математическом космосе, решал в его просторах теорему Ферма, не обращая внимания на перемещения внука в земном пространстве. Более того – забыл о его существовании. На автомате сжимал детскую руку, ограничивая оперативный простор внука. Лев Давидович приземистый, плотненький, внук, как карандашик тоненький, только что не взлетает над землёй. То ли Лев Давидо-

вич вплотную подобрался к решению знаменитой теоремы, то ли что: выпустил ладонь внука, продолжая как нив чём ни бывало двигаться дальше, всё также держа руку на отлёте, будто её продолжением по-прежнему является юный наследник. И вдруг почувствовал отсутствие оногo. Встал как вкопанный, начал растерянно озираться по сторонам, призывая внука. А тот, вырвавшись на свободу, нырнул в кусты, что росли вблизи тротуара. Спрятался проказник. Никогда Толя не видел Льва Давидовича таким суетливым, он крутнулся на месте, ринулся назад с возгласом:

– Вова! Вова!

Вова и не подумал отзываться. Дед был на грани отчаяния! Как же – потерять внука среди белого дня. Толя собрался уже выдать местоположение хитреца, боясь, как бы преподавателя инфаркт не приголубил. Тот метался из стороны в сторону, он не отдавал себе отчёта, когда мог потерял внука – только что или пять минут назад, когда переходили дорогу. Наконец внук с довольной физиономией вышел из укрытия. Лев Давидович схватил его за руку, и они продолжили путь.

С Львом Давидовичем был ещё один забавный случай. Аркаша Чехов с Толей Ройтером подрабатывали лаборантами на кафедре многоканальной электрической связи. Оставаясь студентами, они приобрели статус приближённых к преподавательскому составу. Однажды их пригласили на коллективный выезд преподавателей на Бердский залив. Что интересно Теорема Ферма тоже поехал. В соломенной шля-

пе, тренировочном костюме. Заправляли выездом два офицера с военной кафедры. Бравые молодые капитаны всё предусмотрели, организуя предстоящий отдых, взяли удочки, накопили червяков. Как говорится, рыбалка – это единственный спорт, где допинг разрешён, было захвачено нужное количество допинга и закуска к нему.

Погода была летняя, начало июня. Море грелось в солнечных лучах, в тени прибрежных сосен пахло хвоей и водой. Капитаны, едва автобус привёз отдыхающих к морю, тут же организовали перекус с допингом. Расстелили плащ-палатку, по-военному на раз-два устали её разнообразной провизией, бутылками.

– Солнце, воздух и вода, – сказал один, и не успел произнести классическое продолжение: «Наши лучшие друзья», – как второй капитан продолжил в соответствии с моментом:

– Водка, пиво и еда!

Никто не возразил. Какой-то час они ехали из города, всё одно аппетит успел наработаться.

Лев Давидович робко произнёс, что почти не употребляет спиртное. Капитана с бутылкой это не остановило, щедро плеснул в металлическую крышку от термоса, которая стояла на плащ-палатке перед Львом Давидовичем.

– Пьём до дна, – приказал капитан. – Иначе клёва не будет. Верная примета.

Лев Давидович очень хотел поймать рыбу. Он никогда не рыбачил. В автобусе капитан сел рядом с ним и всю дорогу

рассказывал о рыбалке на Обском море, и давал голову на отсечение, что клёв будет, а значит и улов. За полчаса он доказал Льву Давидовичу, что на свете кроме поиска решения теоремы Ферма есть ещё более увлекательное занятие – рыбалка.

Лев Давидович, желая клёва, выпил «до дна». Капитан, как и обещал, выдал Льву Давидовичу удочку, научил насаживать червяка, поставил ему в самом уловистом месте стульчик. Лев Давидович какое-то время был увлечён процессом: смотрел за поплавком, проверял червяка, снова забрасывал снасть в воду. Не клевало. И не только у него, но и у капитанов. Лев Давидович начал клевать носом и уснул. Сказался свежий воздух, принятый допинг и отсутствие обещанной капитанами рыбы. Хорошо уснул. Твёрдо сидит на стульчике, никаких лишних движений и спит. Капитаны решили подшутить. Автобус стоял тут же, они скомандовали шофёру:

– Едем в Академгородок!

И вскоре вернулись оттуда с камбалой. Двумя аккуратненькими рыбками. Пусть не живыми, но не замёрзшими в камень, за дорогу вообще растаяли. Удилище Льва Давидовича было воткнуто в берег. Хозяин всё также крепко спал. Капитан тихонечко извлёк снасть из воды, на оба крючка насадил по камбале и тихонько забросил улов в море.

Лев Давидович спал сном младенца, склонив голову к коленям. Капитан тронул за плечо:

– Лев Давидович, ты спишь что ли?

– Нет, – вскинул голову Лев Давидович, – и не думал спать. Но что-то не клюёт.

– Как не клюёт! Минут пять назад у тебя так клевало, я думал, ты давал заглотить получше.

– Да-да, – сказал Лев Давидович.

Он взял удилище, дёрнул и ощутил то неповторимое чувство, которое охватывает рыбака, когда он чувствует добычу на другом конце снасти. Лев Давидович замер на секунду, не веря себе, и тут же из всей силы рванул удилище. Две камбалы выскочили из воды, описали высокую дугу над поверхностью моря и шлёпнулись на берег.

– Ничего себе! – воскликнули хором капитаны.

– Ура! – тихо сказал Лев Давидович. Он всё ещё не верил в удачу.

Снял рыбин с крючка и тут же засуетился забрасывать по новой.

Капитан предложил выпить, пытаясь объяснить Льву Давидовичу, что рыбаки всегда так делают, иначе ловиться не будет. Но рыбак категорически отказался, его охватил азарт. Лев Давидович насадил свежих червей, сделал заброс. Садиться не стал, удочку втыкать в берег не стал. Весь был во внимании.

Капитаны думали, Лев Давидович страшно удивится пойманной камбале. Ничего подобного. В автобусе они завели разговор о чудесах в решете, морская камбала под Новоси-

бирском поймалась. На что Лев Давидович нашёл логическое объяснение:

– Правильно! А я где ловил – в Обском море. Это ведь уже не Обь. Значит что? Значит, камбала поймалась правильно. В следующее воскресенье тоже поеду на море на рыбалку.

Попутчики пытались тактично навести удачливого рыбака на ещё одну нестыковку, дескать, всё равно что-то не так: камбала-то дохлая.

– Правильно, – и здесь не смутился Лев Давидович, тут же нашёл разгадку данному обстоятельству, – я ведь уснул, когда она попалась. А пока спал, она и умерла на крючке. Поживи-ка в таком положении. Так что поеду через неделю снова рыбачить. Увлекательное это дело, я вам доложу.

Второе лирическое отступление

Каждый из них, готовясь к встрече, вспоминал Рустама Исмаилова: как бы он радовался этой идее. Обязательно окунулся бы в неё с головой. Был заводилой встреч их выпуска, не пропустил ни одной. Приезжал с гитарой, стихами, песней, посвящённой событию. На сорокапятилетии выпуска пел:

Сорок пять – не много, сорок пять – не мало!
Ах, каких событий только не бывало!
Жизнь чертила полосы – чёрные и белые!
Ты – седой, я – лысый, что ж теперь поделаешь!

В солнечной системе есть НЭИС-планета!
Соткана из солнца, юности и лета!
Мы там жили-были – НЭИС-планетяне,
Ёкнет вдруг под сердцем от воспоминаний!

На каждой встрече Рустам был центром, излучающим радость, солнечное настроение. Разве не чудо: снова вместе, снова рядом. Впервые собираются без Рустама, умер год назад. Последние десять лет жил в Москве, занимал высокий пост. На встрече по случаю сорокапятилетия выпуска ничего не предвещало плохого. Как всегда жизнерадостный, оп-

тимистичный.

Незадолго до смерти разослал друзьям книгу о своей жизни, о поколении детей, родившихся после войны. В ней делал вывод: их поколение – это дети любви. Все они желанные, долгожданные, с ними семьи входили в новую жизнь, помня пережитое. Четыре года война терзала страну, сеяла смерть, боль, увечья, в каждом её дне, в окопах, в минуты затишья, в цехах, где день и ночь собирали танки и самолёты, люди мечтали о возвращении к привычной жизни. Наконец пришли мужчины с войны, кому дано было остаться в живых, страна, приходя в себя, начинала долгожданную жизнь, настоящую, с верой в счастливое завтра, в силу любви, женщины начали рожать, в домах зазвучали колыбельные песни.

Их поколение любили родители, хлебнувшие горя в страшное лихолетье, истосковавшиеся по человеческому счастью, невозможному без детей, их любила страна, создавая пионерские лагеря, детские санатории, возводя новые и новые детские сады, школы, интернаты. Поколение пошло в первый класс и переполнило школы, если раньше в них были максимум первые классы 1А да 1Б, стало доходить до 1Д и даже 1Е.

Страна не жалела денег на учебники, на детские книги, продавая их за копейки. Дети воспитывались под знаком светлого будущего, в котором будет покорение космоса, изучение дальних планет, торжество братства, дружбы, справедливости.

Страна не жалела денег на своё завтра – школьников и студентов. Вырастая из школьной формы, послевоенное поколение создало небывалый приток абитуриентов во все вузы страны, особенно – технические. Строились новые заводы, создавались новые производства, промышленность требовала новых и новых специалистов. Именно их поколение дало самое многочисленное племя инженеров в мире. Больше такого наплыва технарей не было и, скорее всего, не будет.

«Мы самое счастливое поколение, – писал Рустам. – Мы практически не думали о куске хлеба, не знали, что такое голод. Студентами могли путешествовать по всей стране, покупая за смешные деньги профсоюзные путёвки, но чаще выбирали вариант с рюкзаком за плечами».

Иваныч

Кот Тишка сыграл решающую роль в создании в НЭИС секции альпинизма и туризма. Толя Ройтер и Серёга Фурманов, изгнанные тёткой Олей со своей жилплощади за спасание любимого кота, нашли новое жильё. Хозяйку звали тётя Нина, хвостатую и мяукающую живность не держала, жила вдвоём с сыном Женей. У того имелись друзья на электровакуумном заводе. Предприятие современное, работающее по передовым технологиям на оборонку, оно выпускало электровакуумные сверхвысокочастотные приборы и техническую керамику. На передовом заводе и контингент соответствующий – высокообразованный, интеллигентный, молодой, увлекающийся. Было на электровакуумном немало приверженцев походного отдыха. Серёга с Толей через сына хозяина квартиры познакомились с дружной компанией электровакуумщиков, которая имела землянку под Новосибирском.

Роскошное место называлось Дубрава, полчаса езды на электричке и ты в сказке. Это сейчас сказка превратилась в прозу жизни – уголья расчертили под дачи, застроили, – а тогда вольно росли сосны да берёзки, в общем пользовании были леса, холмы и перелески. Весёлый ручеёк всем без исключения предлагал вкусную воду. Компания туристов электровакуумного соорудила в лесу землянку. Нары, буржуй-

ка, стол. У поколения, оду которому спел в своей книге Рустам, было поветрие – лесные землянки. Зимой как хорошо в выходной приехать на такую «базу», на лыжах покатался, а потом в тёплой землянке у печурки дать волю разговорам, песням. В жизнь молодёжи широко вошла бардовская песня. Кукин, Гродницкий, Визбор, Окуджава.

Не обязательно пили вино. Когда стала ездить наша компания, случалось, вино привозили обратно. Как говорил в таких случаях Рустам: «Дури у нас и своей хватает».

Заправлял выездами за город электровакуумщиков Коля Тарабрин. Весельчак, огонь и честных правил. И товарищей в компанию подбирал таких же. Как не упомянуть о Валентине Прониной или Проне. Душа компании... Энергии через край и пела... Она только в песне и успокаивалась, а так Проня была сразу везде. Но стоило запеть... Голос грудной, сильный, и сама Проня куда-то улетала в песне – заслушаешься. Яркая личность.

Если приходили в компанию люди с гнильцой, трусоватые, они сами собой отсеивались. Никто не настаивал, но ты, приезжая в землянку, обязан был скатываться с самой крутой горки окрестностей, так называемой Просеки. Местность широченной просекой прошивала высоковольтная линия электропередач, под мачтами которой накатывался лыжный спуск. Крутой и длинный. Для горных лыж – плёвое дело, съезжай змейкой, где надо, добавил скорости, а захотел – сбросил. Когда лыжи беговые – мама дорогая, сумасшедшая

скорость развивается. Весной немало носков лыж вытаивало на склоне.

У Коли Тарабрина имелись свои подходы к испытанию новичков. Чудоковатые, небезопасные, да на то он и Коля. Жил с женой Аллой у тёщи. Толя однажды по какой-то надобности зашёл к Тарабрину, тот сходу усадил за стол:

– Что значит «не хочу», студент он и во сне есть хочет. Садись, иначе ты мне не друг.

Попили чаю с бутербродами. После чего Коля говорит:

– А давай-ка, Толян, проверим тебя на всхожесть.

И открывает на этих словах кухонное окно. Жена и тёща после слов «давай-ка проверим» разом побледнели, Толя подумал: неужели за окно прыгать? Стоял октябрь, не время проветривать помещение окнами нараспашку.

Прыгать не пришлось, Коля позвал гостя в другую комнату, из которой проследовали на балкон. Дом кирпичный, по стене карниз сантиметров пятнадцать шириной. Коля подловому поставил к торцу балкона табуретку, с неё ступил на перила, затем на карниз.

«Мне что ли, – подумал Толя, – следом за ним?»

Коля, перебирая ногами по карнизу, уверенно прошёл к окну, скрылся в нём и тут же выглянул:

– Сделаешь?

Толя бросил взгляд на землю и ничего утешительного на месте предполагаемого падения не увидел. Этаж был пятый. Если только спланировать на вершину дерева, росшего у

подъезда. Толя поставил левую ногу на карниз, выворачивая ступню так, чтобы подошва максимально опиралась на кирпич, затем правую ногу утвердил, глаза уткнулись в шов кладки, нос был в миллиметрах от кирпичей. Толя начал движение к спасительному окну. Правой рукой он держался за откос балкона до той поры, пока она не выпрямилась в локте. Отпустил откос ладонью ощутил холодную шероховатость стены, хотелось слиться всем телом с кирпичами. Толя сделал один шаг, второй, третий... Левая рука достигла оконного откоса. Дал себе установку: «Не спешить». Наконец – окно!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.